

«Тот, у кого белое пятно на голове»:
любимое животное и его роль
в самосознании хамаров

Людмила Г. Жукова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, milazhukova@gmail.com*

Аннотация. В статье исследуется феномен «эрравака» – любимого животного в культуре хамаров, скотоводческого народа юго-западной Эфиопии. Рассматривается процесс выбора и ритуального преобразования эрравака, его роль в формировании идентичности пастуха и социальных связей в обществе. Анализируются культурные практики, связанные с эрраваком, включая сочинение песен и проведение церемоний. Статья показывает, как через отношения с эрраваком отражаются ключевые аспекты мировоззрения хамаров, их эстетические предпочтения и духовные ценности. Кроме того, исследование раскрывает ритуальные аспекты ухода за эрраваком, символическое значение физических изменений, вносимых в облик животного, и влияние этих практик на социальную структуру хамаров. В работе также рассматриваются лингвистические аспекты наречения имени эрраваку и то, как эти имена становятся неотъемлемой частью идентичности владельца. Анализируя традицию эрравака, в противовес упрощенным представлениям об отношениях человека и животных в традиционных культурах, статья поднимает вопрос о сложном взаимодействии между мирами людей и животных в скотоводческих обществах, выходящем за рамки чисто экономических отношений. Феномен эрравака рассматривается в контексте современных антропологических исследований, изучающих роль животных в формировании человеческой идентичности. Проводятся параллели между отношением к эрраваку у хамаров и восприятием домашних питомцев в западной культуре. Статья вносит вклад в понимание многообразия форм взаимодействия человека и животных в различных культурах.

Ключевые слова: хамары; долина реки Омо; традиционная культура; идентичность; антропозология, домашние животные

Для цитирования: Жукова Л.Г. «Тот, у кого белое пятно на голове»: любимое животное и его роль в самосознании хамаров // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2024. № 4. С. 46–59. DOI: 10.28995/2658-4158-2024-4-46-59

“The one with the white spot on his head”:
A favorite animal and its role
in the self-awareness of the Hamar

Liudmila G. Zhukova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, milazhukova@gmail.com*

Abstract. This article explores the phenomenon of “errawak” – the favorite animal in the culture of the Hamar, a pastoral people of southwestern Ethiopia. It examines the process of selecting and ritually transforming the errawak, its role in shaping the shepherd’s identity and social connections within the community. The study analyzes cultural practices associated with errawak, including composing songs and conducting ceremonies. The article shows how key aspects of the Hamar worldview, their aesthetic preferences, and spiritual values are reflected through relationships with errawak. Additionally, the research reveals the ritualistic aspects of errawak care, the symbolic significance of physical modifications made to the animal, and the impact of these practices on Hamar social structure. The paper also explores the linguistic aspects of naming errawak and how these names become an integral part of the owner’s identity. By analyzing the errawak tradition, in contrast to simplified notions of human-animal relationships in traditional cultures, the article raises questions about the complex interaction between human and animal worlds in pastoral societies, extending beyond purely economic relations. The errawak phenomenon is considered in the context of modern anthrozoological studies examining the role of animals in shaping human identity. Parallels are drawn between the attitude towards errawak among the Hamar and the perception of pets in Western culture. The article contributes to understanding the diversity of forms of human-animal interaction across different cultures.

Keywords: Hamar; Omo River Valley; traditional culture; identity; anthrozoology, domestic animals, pets

For citation: Zhukova, L.G. (2024), “ ‘The one with the white spot on his head’: A favorite animal and its role in the self-awareness of the Hamar”, *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 4, pp. 46–59, DOI: 10.28995/2658-4158-2024-4-46-59

Скотоводство занимает центральное место в экономике и культуре хамаров. Их образ жизни, полукочевой и зависящий от сезонных изменений климата, определяется необходимостью поиска пастбищ для скота. Однако скотоводство для хамаров – это не просто способ существования; оно проникает в глубины их культуры, служа символом социального статуса, воплощением эстетических предпочтений и средством формирования идентичности.

Особое место в этой культуре занимает концепция «любимого животного», или «эрравака». Это уникальное животное, выбранное пастухом из стада, с которым он устанавливает особую эмоциональную и ритуальную связь. Эрравак выделяется как своим внешним видом, так и той символической ролью, которую он играет для своего хозяина.

Феномен любимого животного известен во многих культурах, хотя он встречается не во всех скотоводческих и агро-скотоводческих обществах Восточной Африки. В Эфиопии он существует у племен боди [Fukui 1979], дассанеч [Almagor 1972], хамар [Lydall, Strecker 1979], мурси [Turton 1980], ньянгатом [Tornay 2001] и сури [Abbink 2003].

Этот феномен обычно касается мужчин, которые развивают особую эмоциональную связь с избранными быками или особями мелкого рогатого скота, которые становятся «любимыми» из-за их индивидуальности и внешнего вида и являются своего рода друзьями и даже родственниками, с которыми формируются особые отношения. У женщин обычно нет возможности иметь «любимое животное», за исключением боди и мурси [Fukui 1979].

Современные исследователи часто выходят за пределы классического понимания «другого» как человека, распространяя это понятие и на животных. Мелсон Г.Ф. и Файн А.Х. [Melson, Fine 2006] пишут о недостаточности антропоцентричного взгляда, пренебрегающего во внимание только межличностные связи в качестве значимых. Они выступают за смещение парадигмы в сторону «биоцентрического» подхода, включающего в поле зрения связи с другими видами и миром природы. За последние десятилетия сложилась новая наука – антропозология, исследующая взаимоотношения между человеком и животным и влияние этих взаимоотношений на формирование человеческой идентичности [Serpell, Paul 2002]. Во многих культурах этим отношениям придается глубокий смысл, поскольку животные, будучи «другими», могут оказывать значительное влияние на формирование человеческого «я», особенно при наличии тесной физической и эмоциональной связи с владельцем. Исследователи отмечают «новый поворот» в отношении к домашним питомцам в западной культуре. Их «безудержную» антропоморфизацию в научной литературе, как правило, объясняют особым эмоциональным контактом, который устанавливается между ними и владельцами. Отношения между человеком и животным существуют тысячи лет, и эти уникальные межвидовые отношения и оказываемые ими взаимный эффект стали предметом многочисленных исследований. Они показали, что домашние животные снижают уровень стресса у своих владельцев, обеспечивают социальную и эмоциональную

поддержку, дают чувство защищенности [Walsh 2009], уменьшают симптомы депрессии [Henry and Crowley 2015].

По мнению М. Боуэна [Bowen 1978], семейная эмоциональная система может включать не только родственников, но и других людей, не связанных с семьей формальными узами, и даже домашних животных.

Паттерны эмоционального реагирования, существующие в семье, распространяются не только на людей, но и на питомцев. Так, Кэйн А. [Cain 1983] проводила новаторское исследование, основанное на наблюдениях, сделанных как в рамках клинической практики, так и в повседневной жизни, в том числе ее собственной семьи. Выяснилось, что большинство респондентов считают, что их домашние животные понимают человеческую речь, чувствительны к настроению хозяев, что проявляется в языке тела, издаваемых звуках и слезах, что питомцы «настроены» на их чувства, будь то счастье, волнение, напряжение, грусть или гнев. Когда члены семьи были больны или получили травмы, их домашние животные проявляли эмпатию.

Н. Чарльз в своей статье [Charles 2014] подчеркивает, что отношения с питомцами переживаются владельцами как весьма близкие, насыщенные, «неземные», вплетенные в ткань семейной жизни. Они осмысляются в терминах родства и представляют ценность не только ввиду сходства животных с людьми, но и ввиду отличий. В то же время эмоции, которые вызывают питомцы – члены семьи, описываются так же, как те, что вызывают люди – любовь, ревность и пр. – в этом смысле они, безусловно, антропоморфизируются. К тому же, согласно исследованиям, важной составляющей родственных отношений как таковых является эмоциональная поддержка, на которую питомцы, по мнению респондентов, участвовавших в исследовании Чарльза, весьма способны.

Смерть или потеря одного из членов семьи, будь то человек или животное-компаньон, влияет на всю семейную систему. Владельцы питомцев свидетельствуют, что потеря питомца – члена семьи по интенсивности переживания сопоставима со смертью других членов семьи или друзей [Rujoiu and Rujoiu 2014]. Респонденты сообщали о переживании настоящего шока, боли, грусти, ощущении невозможности потери и пустоте, а некоторые даже о желании умереть [Kemp, Jacobs and Stewart 2016]. Мемориальные практики, в том числе характер захоронений, надписи и религиозные символы на памятниках, свидетельствуют о восприятии питомцев как членов семьи, о вере в существование у питомца души и надежде на воссоединение с ними в загробной жизни [Redmalm 2016].

Домашние питомцы активно задействованы в невербальной и вербальной коммуникации внутри семьи [Ben-Aderet 2017].

Билгер [Bilger 2003] отмечает, что согласно опросу, проведенному Американской ассоциацией ветеринарных клиник, 63% владельцев домашних животных разговаривают со своими питомцами, в частности, говорят им – «я люблю тебя» каждый день, а также, что в 83% случаев владельцы собак и кошек называют себя их «мамой» и «папой». Дебора Таннен [Tannen, Kendall and Gordon 2007] описывает дискурсивную практику, в которой питомцы являются посредниками в коммуникации между членами семьи – говоря с питомцем, адресуют свое послание другому члену семьи. Изучение вербальных коммуникативных процессов, в которые включается питомец, помогает понять, что разговор с питомцем становится ресурсом, с помощью которого члены семьи осуществляют взаимодействие и формируют свою семейную идентичность, неотъемлемой частью которой, безусловно, является питомец.

Таким образом, все исследования последних десятилетий единодушны в оценке изменений восприятия питомцев – их облик становится все более антропоморфным, они стали полноправными членами семьи, включенными во внутрисемейное взаимодействие. Однако это выводы, сделанные на основе исследований, проведенных в Европе и Америке, и относящиеся к городской культуре. И очевидно, что речь идет о домашних питомцах – преимущественно собаках и кошках. В отношении сельскохозяйственных животных радикальных изменений как будто не произошло – речь, разумеется, идет не о заботе о благополучии животных и призывах к гуманному отношению, а об установлении особых эмоциональных связей и включении в состав семьи.

Примерно то же самое как будто можно сказать и о традиционных скотоводческих культурах. Казалось бы, отношения с животными должны быть выстроены в прагматическом и функциональном ключе. Однако картина представляется более сложной.

Хамары живут в тесном единстве со скотом. Эта ежедневная близость проявляется во множестве аспектов. Ее обеспечивает сама топография деревень – загоны для скота расположены прямо рядом с домами, люди сидят, отдыхают и даже спят на коровьих шкурах, повседневная одежда в большинстве деревень также непременно включает в себя элементы шкур. Рога крупного рогатого скота используются в хозяйстве для хранения сыпучих продуктов и жидкостей. Дети с самого рождения окружены животными, спят на шкурах, пьют молоко, слышат звуки колокольчиков и голоса крупного и мелкого рогатого скота. По мере взросления дети постигают пастушеские знания, учатся наблюдать и понимать природу. Важно подчеркнуть, что в культуре хамаров существует гендерная стратификация – женщины занимаются земледелием и домом, а мужчины пасут скот и ухаживают за ним.

В основе узнавания особенностей животных – их поведения, физиологии, диеты и других аспектов, разумеется, лежат вполне прагматические соображения – это позволяет эффективно вести хозяйство. Понимание животных основывается как на знаниях, полученных от других, так и через собственные наблюдения. Пастухи должны знать своих животных не только как часть стада, но и как индивидуальных существ с уникальными чертами. Пастухи и их скот привыкают друг к другу и становятся взаимозависимыми: пастухи получают продукты (молоко, мясо, шкуры и т. д.) от своих животных, обеспечивая их едой, водой, кровом и заботой.

Высокий уровень знакомства с животными и персонализированные знания о них способствуют эффективному взаимодействию и общению и порой перерастают в близость, под которой мы подразумеваем двусторонние отношения, основанные на определенной степени эмоциональной взаимности, даже если она неравномерна и асимметрична [Knight 2005].

Крупный рогатый скот является наиболее ценным достоянием хамаров и важен для их самовосприятия. Это особенно актуально для молодых парней и мужчин, которые в первую очередь ответственны за скотоводство и часто называют себя «скотоводами» (ваки эди). От количества скота в семье зависит момент, когда молодой человек сможет создать семью. Мужчина приносит выкуп за жену, который может достигать более сотни животных. В культуре хамаров скот является валютой и статус семьи определяется поголовьем скота.

Одомашивание рождает привязанность к животным, как функциональную, так и эмоциональную, и, согласно антропологической литературе, феномен «любимого животного» можно рассматривать как одну из форм самоидентификации. Эта концепция, заимствованная из психоанализа, описывает процесс идентификации с другим существом – либо через недостаточное осознание различий, либо благодаря осознаваемому сходству. Этот процесс понимается как динамичный, непрерывный, зависящий от окружающей среды и символических ресурсов, поддерживающих его [Hall 1996]. Он является основой формирования идентичности, так как идентичность – это «соединение идентификаций, которые формируются самосознанием индивидов через осмысление их отношений с другими, позволяя им не только отличать себя от окружающих, но и классифицировать других как «других», а себя – как «Я» [Meij, Driessen 2003]. Домашнее животное в качестве «другого», как и человек, может выступать в роли селф-объекта – субъективного переживания в отношении другого лица, которое обеспечивает утверждающую функцию по отношению к собственной самости на фоне их взаимоотношений, вызывая и поддерживая чувство

самости, способствуя его самоутверждению своим присутствием [Kohut 1977]. Таким образом, идентичность представляется динамичной, многомерной, реляционной и контекстуальной, зависящей от взаимодействий с окружающими, как людьми, так и животными.

Процесс выбора «любимого животного» – эрравака начинается с тщательного наблюдения за животными. Пастухи обращают внимание на физические качества – цвет шерсти, форму рогов и общую привлекательность животного. Выбор основывается на эстетических и символических характеристиках. Важны не только красота животного, но и его потенциальная способность приносить удачу – «барджо» – владельцу. После выбора начинается процесс ритуального преобразования: изменение внешнего вида эрравака не только выделяет его среди других животных, но и позволяет пастуху выразить свою индивидуальность и эстетические предпочтения. Эти преобразования подчеркивают власть человека над животным и, возможно, над природой в целом. Значимость событий подтверждается многолюдными ритуалами, в которых участвуют различные социальные и возрастные группы.

Пастухи не только выделяют эрравака из стада, подвергая его внешность изменениям, но и формируют с ним особую эмоциональную связь, которая имеет и важное социальное значение. Пастухи сочиняют песни для своих эрраваков, исполняя их на общественных мероприятиях. В песнях эрравак часто именуется «мисо» – другом, при этом владелец называется его «отцом». Песни прославляют красоту и силу животного, подчеркивая также социальный статус самого пастуха. Участие в таких культурных практиках позволяет пастуху укрепить связи с другими членами сообщества и продемонстрировать приверженность традициям своего народа. Владельцы называют себя «отцами» эрравака, а их, как правило, называют в общине по имени животного. Это имя, основанное на внешних характеристиках эрравака, становится важной частью идентичности человека и сопровождает его на протяжении всей жизни. Обладание эрраваком исключительно мужская привилегия, что подчеркивает инициационный характер этой практики. «Любимым животным» также может быть только мужская особь крупного <бык> или мелкого <козел> рогатого скота.

Пастухи верят, что их любимое животное приносит удачу и защищает их, выполняя апотропейные функции. Забота о таком животном выходит за рамки обычного ухода за скотом и превращается в особую ритуальную практику. Считается, что правильное отношение к животному приносит удачу пастуху и его семье, а неправильное – может привести к бедам. Уход за животным сопровождается ритуалами, направленными на сохранение его здоровья и защиту от врагов. При этом пастухи обращаются

к своим животным с просьбами о защите и процветании. Болезнь или смерть животного воспринимаются как угроза благополучию пастуха. Животное, таким образом, становится носителем символической ценности, напрямую связанной с благополучием его владельца. Отношения с эрраваком носят двусторонний характер: пастух заботится о животном, а животное, в свою очередь, обеспечивает ему защиту и приносит удачу.

Наши информанты рассказывают, что ритуалы, связанные с эрраваком, проходят в несколько этапов – первоначально юноша выбирает молодого бычка, на него надевают специальный ошейник, а по достижении им определенного возраста начинают вносить изменения в его внешний облик. Первым делом животное кастрируют, следующее преобразование внешности связано со специальными надрезами на ушах животного, впоследствии наносят шрамы на кожу или выжигают на ней специфический уникальный узор. Во время четвертого ритуала – деформации рогов, который особенно болезнен и опасен для животного, владелец эрравака становится носителем его имени: «Это большая церемония деформации рогов, поэтому во время этой церемонии... Например, его зовут “Коле”. Его имя было изменено, может быть, потому что бык был белым или красным – с таким цветом, – ему дали новое имя. И это большая церемония, приходит много старейшин. Имя быку дает друг того человека, для которого проводят церемонию. Например, его настоящее имя Коле, но имя его быка Локорба. “Локорба” означает белый, потому что его бык такого цвета. И никто в деревне не зовет его “Коле”, все знают его как “Локорба”»¹.

В книге исследователей культуры хамаров Лидалл и Штекера [Lydall, Strecker 1977, p. 102] приводится рассказ главного информанта исследователей хамара Балдамбе о ритуалах, связанных с эрраваком: «Сначала, когда вол еще теленок, ему надрезают уши, а когда он это сделает, он надрезает подгрудок. Для человека, который надрезает подгрудок, он забивает козу или корову. В день, когда надрезаются уши и подгрудок, он отдает козу местным мужчинам, которые забивают и едят ее. Человек получает свое имя по окрасу быка, будь он рыжим, серым, с белым горлом и так далее. На него надевают два ошейника – один для колокольчика и другой декоративный ошейник. Их покрывают красной охрой и жиром и приносят отцу быка. Человек, принесший ошейники, остается на ночь, и для него режут козу. На следующее утро эрравака хватают и натирают навозом. Они крепко завязывают ошейник-коло-

¹ Интервью с жителями окрестностей Г. Турми 07.08.2023 // Полевые материалы экспедиции. Г. Турми, штат Южная Эфиопия. 28.07.2023 – 12.08.2023.

кольчик под подбородком, а ниже прикрепляют декоративный ошейник. Теперь вол может спуститься к руслу реки, где он будет демонстрировать свои украшения».

Обладание эрраваком одновременно привилегия и обязанность: «Это обязательно для всех мужчин, которые пасут скот. Если у вас нет эрравака, вы знаете, люди относятся к вам... Так что у всех есть, да. Идите в Ньянгатом, идите в Дассанеч – у всех мужчин есть это имя»²

Когда эрравак стареет, его могут заколоть. Помимо эрравака забивают несколько десятков голов скота – эти церемонии очень многолюдны, и на них могут присутствовать сотни человек. Мясо эрравака делят между всеми участниками поминальной трапезы, кроме «отца» эрравака. Голову любимого животного относят к специальному дереву – манзу, и помещают на развилках ветвей: «Когда вол состарился и смертельно заболел, собираются друзья его отца. Они собирают перья и ткань, надевают ткань, втыкают перья в свои головные уборы, раскрашиваются и приходят, танцуя, к его воротам. Местные жители покупают кофе, варят пиво, собирают коз и мед. Для приходящих старейшин – кофе, для юношей – кофе, для старейшин – пиво, для старейшин – мед – и все это съедается. Завтра – кончина быка. На следующий день, после того как они зарежут быка, они берут его голову и кладут ее в развилку ветвей дерева» [Lydall, Strecker 1977, p. 103].

Эмоциональная связь с эрраваком проявляется главным образом в написании и исполнении для него особых песен, в которых описывается и превозносится его внешность и другие качества, упоминаются события, связанные с ним. Исполнение песен не только форма проявления особой связи с любимым животным, но и возможность проявить себя перед ровесниками, почтить вниманием родственников <упомянув их в песне> и произвести впечатление на девушек.

Вот несколько фрагментов песен, записанных нами в ходе экспедиции:

Вы пришли со стороны Карабы,
Мора привел тебя
На реке Кара твою кожу срезали.

* * *

Эрравак Ойты
Одна часть его головы белая,
Дайте ему поспать, когда он поест.
С сыном Ойты оставь нас на лугу,

² Интервью с жителями окрестностей г. Турми 09.08.2023 // Там же.

Маленькие белые отметины на твоём теле
Ты можешь пойти с ним к реке Барре.
То, что сказал наш мора о приходе врагов, – ложь
Ты, тот, у кого белое пятно на голове, у тебя есть Барджо.

* * *

Бык отца Судо
Бык, ты не белый и не коричневый.
Бык отца Судо, ты не быстро насытился, когда начал есть траву
Бык племянника Арбалы,
Арбала зовет барджо для тебя
И старейшины зовут дождь для тебя
Ты можешь прийти с дождем
Нетоле дает колокольчик для тебя
Ты белый как белая птица, бык брата Валенды
Ты пошел к реке с козлятами,
Бык племянника Арбалы!

Однако мир животных, окружающих хамаров на протяжении всей жизни, состоит не только из скота. В деревне, помимо коров и коз, живут куры, а также собаки и кошки. Кошки и куры могут заходить в хижину, в то время как собакам и скоту это строго запрещено. Более того, собака или скот, зашедший в хижину, становится «минги» – ритуально нечистым существом и приносит несчастья своему хозяину и всей деревне, которое необходимо лишить жизни. При этом, по словам информантов, собаки воспринимаются как члены семьи, у них есть имена, которые, как и имена эрраваков, связаны с их окрасом. У кошек нет имен, с ними не устанавливаются эмоциональные связи, их пребывание в деревне оправдано лишь необходимостью уничтожения грызунов. «Если у вас есть собака, вы должны заботиться о ней. Если у вас есть скот, вы должны заботиться о нем. Знаете, собака как человек, человеческое существо. Поэтому она знает всех членов семьи, она друг. Собака идет со скотом и защищает скот. Даже без человека она может идти со скотом и возвращаться обратно. А кошки нам здесь не нравятся. Собака слушается, а кошка не слушается – она может без разрешения пойти взять мясо и съесть. Так что, если нам не нравится их поведение, иногда мы выгоняем их в буш»³.

Феномен эрравака у хамаров представляет собой яркий пример того, как отношения между человеком и животным могут выходить далеко за рамки чисто экономических связей, становясь важнейшим элементом культурной и личной идентичности. Эта практика

³ Интервью с жителями окрестностей г. Турми 12.08.2023 // Там же.

отражает глубокое взаимопроникновение мира людей и мира животных в традиционном скотоводческом обществе. Несмотря на то что современная западная городская культура довольно далеко ушла от традиционных форм взаимодействия с домашними питомцами, в традиционной культуре мы также находим свидетельства установления эмоциональных контактов с домашними животными. «Любимое животное» становится объектом привязанности и заботы, информанты утверждают, что после долгой разлуки эрравак выражает радость по поводу возвращения хозяина, а хозяин в свою очередь испытывает и выражает сильные эмоции в связи с болезненными процедурами или смертью эрравака. Использование питомцев во внутрисемейной коммуникации через триангуляцию – процесс, при котором один человек вовлекает третьего (будь то человек или питомец) для передачи информации или воздействия на другого человека – также не чуждо хамарам, как следует из их песен, посвященных эрравакам и формально исполняемых для них, но в то же время несущих на себе еще и функцию демонстрации своих достоинств (для потенциальных невест) и выражения уважения и благодарности членам семьи. Изучение феномена эрравака позволяет нам лучше понять не только культуру хамаров, но и более широкие аспекты взаимодействия человека и природы в традиционных обществах, а также позволяет увидеть проблему взаимодействия людей и домашних животных в континууме, включающем в себя не только западную, но и другие культуры. Оно демонстрирует, как материальные практики скотоводства переплетаются с духовными представлениями, социальными нормами и эстетическими ценностями, образуя сложную и гармоничную картину мира.

Литература

- Abbink 2003 – *Abbink J.* Love and death of cattle: The paradox in Suri attitudes towards livestock // *Ethnos*. 2003. No. 3 (68). P. 341–364.
- Almagor 1972 – *Almagor U.* Name-oxen and ox-names among the Dassanetch of southwest Ethiopia // *Paideuma*. 1972. No. 18. P. 79–96.
- Ben-Aderet 2017 – *Ben-Aderet T. et al.* Dog-directed speech: why do we use it and do dogs pay attention to it? // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2017. No. 284(1846). P. 3–10.
- Bilger 2003 – *Bilger B.* The Last Meow: How far would you go to heal a pet? *The New Yorker*, 2003. September, 8th. P. 46–53.
- Bowen 1978 – *Bowen M.* Family therapy in clinical practice. Northvale, NJ: Jason Aronson Inc., 1978. 584 p.
- Cain 1985 – *Cain A.O.* Pets as family members // *Marriage & Family Review*. 1985. No. 3–4 (8). P. 5–10.

- Charls 2014 – *Charls N.* “Animals just love you the way you are”: experiencing kinship across the species barrier // *Sociology*. 2014. No. 4 (48). P. 715–730.
- Fukui 1979 – *Fukui K.* Cattle colour symbolism and inter-tribal homicide among the Bodi // *Warfare among East African herders* / ed. by K. Fukui, D. Turton. Osaka: National Museum of Ethnology, 1979. P. 147–177. (*Ethnological Studies*; 3)
- Hall 1996 – *Hall S.* Introduction: who needs identity? // *Questions of cultural identity* / ed. by S. Hall, P. Du Gray. L.: Sage Publications, 1996. 198 p.
- Henry, Crowley 2015 – *Henry C.L., Crowley S.L.* The psychological and physiological effects of using a therapy dog in mindfulness training // *Anthrozoös*. 2015. No. 3 (28). P. 385–401.
- Kemp, Jacobs, Stewart 2016 – *Kemp H.R., Jacobs N., Stewart S.* The lived experience of companion-animal loss: A systematic review of qualitative studies // *Anthrozoös*. 2016. No. 4 (29). P. 533–557.
- Knight 2005 – *Knight J.* Introduction // *Animals in person: Cultural perspectives on human-animal intimacies* / ed. by J. Knight. Oxford: Berg, 2005. 290 p.
- Kohut 1977 – *Kohut H.* The restoration of the self. Chicago: University of Chicago Press, 1977. 368 p.
- Lydall, Strecker 1979 – *Lydall J., Strecker I.* The Hamar of Southern Ethiopia. Vol. 2: Baldambe explains. Hohenschäftlarn: Renner, 1979. 203 p.
- Meijl, Driessen 2003 – *Meijl T., van, Driessen H.* Introduction: Multiple identifications and the self // *Focaal: European Journal of Anthropology*. 2003. No. 42. P. 17–29.
- Melson, Fine 2006 – *Melson G.F., Fine A.H.* Animals in the lives of children // *Animal-assisted therapy: Theoretical foundations and guidelines for practice* / ed. by A.N. Fine. 2nd ed. San Diego: Academic Press, 2006. P. 207–226.
- Redmalm 2016 – *Redmalm D.* So sorry for the loss of your little friend: Pets’ grievability in condolence cards for humans mourning animals // *Mourning animals: rituals and practices surrounding animal death*. East Lansing, 2016. P. 101–108.
- Rujoiu, Rujoiu 2014 – *Rujoiu O., Rujoiu, V.* Pet loss and human emotion: Romanian students’ reflections on pet loss // *Journal of Loss and Trauma: International Perspectives on Stress & Coping*. 2014. No. 5 (19). P. 474–483.
- Serpell, Paul 2002 – *Serpell J., Paul E.* Pets and the development of positive attitudes to animals // *Animals and human society*. L.: Routledge, 2002. P. 165–182.
- Tannen, Kendall, Gordon 2007 – *Tannen D., Kendall S., Gordon C.* “Talking the dog: Framing pets as interactional resources in family discourse” // *Family talk: Discourse and identity in four American families*. N.Y., 2007. P. 49–70.
- Tornay 1973 – *Tornay S.* Langage et perception: La dénomination des couleurs chez les Nyangatom du Sud-Ouest éthiopien // *L’Homme*. 1973. No. 4 (13). P. 66–94.
- Turton 1980 – *Turton D.* There is no such a beast: Cattle and color naming among the Mursi // *Man*. 1980. No. 15. P. 320–338.
- Walsh 2009 – *Walsh F.* Human-animal bonds I: The relational significance of companion animals // *Family Process*. 2009. No. 4 (48). P. 462–480.

References

- Abbinck, J. (2003), "Love and death of cattle: The paradox in Suri attitudes towards livestock", *Ethnos*, vol. 68, no. 3, pp. 341–364.
- Almagor, U. (1972), "Name-oxen and ox-names among the Dassanetch of southwest Ethiopia", *Paideuma*, no. 18, pp. 79–96.
- Ben-Aderet, T., Gallego-Abenza, M., Reby, D. and Mathevon, N. (2017), "Dog-directed speech: why do we use it and do dogs pay attention to it?", in *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, vol. 1846, no. 284, pp. 3–10.
- Bilger, B. (2003), The Last Meow: How far would you go to heal a pet? *The New Yorker*, September, 8th, pp. 46–53.
- Bowen, M. (1978), *Family therapy in clinical practice*, Jason Aronson Inc., Northvale, USA.
- Cain, A. (1985), "Pets as family members", *Marriage & Family Review*, vol. 8, no. 3–4, pp. 5–10.
- Charls, N. (2014), " 'Animals just love you the way you are': experiencing kinship across the species barrier", *Sociology*, vol. 48, no. 4, pp. 715–730.
- Fukui, K. (1979), "Cattle colour symbolism and inter-tribal homicide among the Bodi", in Fukui, K. and Turton, D., eds., *Warfare among East African herders*, National Museum of Ethnology, Osaka, Japan, pp. 147–177.
- Hall, S. (1996), "Introduction: who needs identity?", in Hall, S. and Du Gray, P., eds., *Questions of cultural identity*, Sage Publications, London, UK.
- Henry, C.L. and Crowley, S.L. (2015), "The psychological and physiological effects of using a therapy dog in mindfulness training", *Anthrozoös*, vol. 28, no. 3, pp. 385–401.
- Kemp, H.R., Jacobs, N. and Stewart, S. (2016), "The lived experience of companion-animal loss: A systematic review of qualitative studies", *Anthrozoös*, vol. 29, no. 4, pp. 533–557.
- Knight, J. (2005), "Introduction", in Knight, J., ed., *Animals in person: Cultural perspectives on human-animal intimacies*, Berg, Oxford, UK.
- Kohut, H. (1977), *The restoration of the self*, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Lydall, J. and Strecker, I. (1979), *The Hamar of Southern Ethiopia*, vol. 2: Baldambe explains. Renner, Hohenschäftlarn, Germany.
- Meijl, T., van and Driessen, H. (2003), "Introduction: Multiple identifications and the self", *Focaal: European Journal of Anthropology*, no. 42, pp. 17–29.
- Melson, G.F. and Fine, A.H. (2006), "Animals in the lives of children", in Fine, A.H., ed., *Animal-assisted therapy: Theoretical foundations and guidelines for practice*, Academic Press, San Diego, USA, pp. 207–226.
- Redmalm, D. (2016), "So sorry for the loss of your little friend: Pets' grievability in condolence cards for humans mourning animals", in *Mourning animals: rituals and practices surrounding animal death*, East Lansing, USA, pp. 101–108.
- Rujoiu, O. and Rujoiu, V. (2014), "Pet loss and human emotion: Romanian students' reflections on pet loss", *Journal of Loss and Trauma: International Perspectives on Stress & Coping*, vol. 19, no. 5, pp. 474–483.

- Serpell, J. and Paul, E. (2002), "Pets and the development of positive attitudes to animals", in Manning, A. and Serpell, J., eds., *Animals and human society*, Routledge, London, UK, pp. 165–182.
- Tannen, D., Kendall, S. and Gordon, C. (2007), "Talking the dog: Framing pets as interactional resources in family discourse", in *Family talk: Discourse and identity in four American families*, New York, USA, pp. 49–70.
- Tornay, S. (1973), "Langage et perception: La dénomination des couleurs chez les Nyangatom du Sud-Ouest éthiopien", *L'Homme*, vol. 13, no. 4, pp. 66–94.
- Turton, D. (1980), "There is no such a beast: Cattle and color naming among the Mursi", *Man*, no. 15, pp. 320–338.
- Walsh, F. (2009), "Human-animal bonds I: The relational significance of companion animals", *Family Process*, vol. 48, no. 4, pp. 462–480.

Информация об авторе

Людмила Г. Жукова, кандидат культурологии, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; milazhukova@gmail.com

Information about the author

Liudmila G. Zhukova, Cand. of Sci. (Cultural Studies), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; milazhukova@gmail.com